21 января Владимиру Владимировичу Косыгину (Коянто) - корякскому поэту, писателю, публицисту - исполнилось бы 84 года

Январь - холодный, звёздный, месяц итогов уходящего года и надежд на будущий год, месяц обретений и потерь. В январе мы отмечаем день рождения певца Корякской земли Владимира Коянто, в январе мы вспоминаем, какой жизненный путь прошёл он рука об руку со своей верной женой Фаиной Николаевной. Воспоминаниями, опубликованными ниже, она поделилась за несколько недель до своей смерти, ещё не зная, что уйдёт к нему в тот же день, 11 января…

• *Последнее слово*

Мой Володя

Когда я прочитала воспоминания Надежды Поротовой о Гоше, написанные просто и хорошо, я подумала, что никто лучше жены не может рассказать о муже, и поняла, что, несмотря на то, что о Володе много написано, я сама должна рассказать о нем.

11 января - ровно пять лет, как его не стало. Но для нас он не ушёл, он - с нами.

Он сам обозначил в стихах время и место своей жизни:

Где синие студёные
озёра,
Где лютый холод,
сопки в серебре,
Где зверя разного
не счесть следов-узоров,
Где смерть и голод,
В январе
родился мальчик.

И своё родное село Ивашка Карагинского района не оставил невоспетым:

Я полечу над сопками
седыми,
И буду там,
где домик у реки.
Где мать-старушка
ожидает сына,
Где тянут грузно сети
рыбаки.

В тринадцатилетнем возрасте его вместе с сестрой Любой направили в Ленинград на учёбу при Институте народов Севера, где дети из числа малочисленных северных народов сначала обучались и жили в интернате, заканчивая школу, затем становились студентами института.

В годы учёбы в большом городе он начал постигать мир, культуру, но тосковал по родине - по рыбалке, по тундре, по сопкам, и эти чувства выливались в стихи. Одно из первых его стихотворений - "Оленёнок" ("Перед утром мне приснился оленёнок белоногий..."). Хорошие преподаватели были у него в Институте, они помогали обрабатывать стихи и научили уметь преподносить их. Он рассказывал, как преподаватель Воскобойников заставлял его читать громко, выразительно, и потом всю жизнь Володя был мастером художественного слова и умел хорошо читать стихи. Только он мог преподнести их так эмоционально, артистично, пафосно и воодушевленно, как настоящий трибун!

В дальнейшем мастерство его росло, стихи крепчали, к ним добавилась и проза, и в конечном итоге его творчество достойно вошло во всемирную литературу. Одно из самых известных и знаменитых его стихотворений, переведённое на многие языки - "Родник" ("Родниковой воды напьюсь, освежу и лицо, и грудь..."). Я помню, он рассказывал, что когда после учёбы вернулся работать в округ в 1961 году, то везде ходил с записной книжкой, даже в тундре. "Я любил сидеть у какого-нибудь ручейка, слушать, как звенит вода, шелестят травинки, поют птицы, как дышит тундра". Такое же лирическое, "наброженное по тундре", у него стихотворение "Осень" ("Погас кипрей душистый. Горит костёр. И сенокос душистый манит на простор...").

В Палане судьба свела Володю с одарённым творческим человеком Георгием Поротовым, который после окончания Биробиджанской культпросветшколы возглавлял здесь Дом народного творчества. И вот два талантливых юноши, два подвижника культуры объединили свои творческие силы. Гоша - истинный народный поэт, из которого лилась поэзия, разносторонний музыкант, играющий на многих инструментах, - был большой мастер сочинять. Он придумал образ весёлого и неунывающего коряка-бедняка Ое и создал цикл стихов о нём, и сам же сочинил музыку к ним. А лучшим исполнителем этих знаменитых теперь на всю Камчатку песен был Володя. У него был звонкий поставленный голос, он тоже был музыкальный, и ему так нравилось петь! Вдвоём они так смотрелись, их так любил народ! И когда они ездили в составе агитбригады (с ними был ещё Алексей Лахтой) по оленеводческим

звеньям и сёлам округа с концертами, сельские клубы и Дома культуры ломились от народа! Они работали вместе, поднимая национальную культуру на новый уровень, и дружили всю жизнь. Они были весельчаками, шутниками, хотя и ругались, и критиковали друг друга. У них и первые поэтические сборники вышли с небольшим разрывом: у Гоши в 1967 году, у Володи - в 1970-м - маленькая книжечка "Оленьими тропами" под псевдонимом Владимир Коянто (в переводе - "оленный человек"), изданная Дальневосточным книжным издательством. Тяжело пережив смерть друга в 1985 году, он написал потом о Гоше повесть "Гамул".

Его артистизм и хорошие организаторские способности проявлялись всю жизнь во многих творческих сферах: какие замечательные литературные вечера он проводил у нас в библиотеке! Интересные, содержательные и надолго запоминающиеся, впечатления от них долго хранились. Как шумно, весело, энергично и мастерски он вёл многочисленные концерты художественной самодеятельности в окружном Доме культуры, до сих пор больше нет таких ведущих! А в свои юбилеи он всегда устраивал творческие вечера, которые мог сотворить один: сам был сценарист, сам ведущий, сам исполнитель - и читал стихи, и пел песни, и вёл разговор.

У него был неуёмный и твёрдый характер. Он не мог молчать, если видел несправедливость, и, имея бойцовский характер, часто высказывал своё мнение в лицо чьих-то обидчиков, часто воевал в бюрократических кругах, отстаивая правду даже с высоких трибун. В своей рабочей и творческой жизни он изъездил почти все сёла и побывал во всех оленеводческих звеньях округа. Знал все проблемы и нужды земляков и был яростным защитником главной отрасли Корякии - оленеводства. Став писателем, он в полной мере использовал своё сильное орудие - слово и перо, бичуя в газетных статьях и художественных произведениях тех, кто, по его мнению, губил Корякию. Неудивительно, что он был народным любимцем и его выбрали в депутаты Верховного Совета СССР. Володя, в свою очередь, очень любил простой люд, а коряков особенно. Он простодушно дарил любые свои вещи и деньги, иногда даже в ущерб семье и, как говорится, мог снять с себя последнюю рубаху и отдать нуждающемуся.

Володя умел увидеть в человеке хорошее и добрым словом, отзывом о каких-то делах возвышал его в собственных глазах. Как-то один знакомый, давно махнувший на себя рукой, мне после вечера говорит: "Вот Володя про меня сегодня сказал так хорошо, и мне жить хочется, прямо крылья выросли". Многие начинающие авторы из сёл округа присылали ему свои первые творения и никого он не оставлял без внимания, рецензировал, пестовал, направлял.

Много хороших и добрых людей, единомышленников было у него на жизненном пути. Вместе с Г. Поротовым, Т. Лукашкиной, Б. Заевым он собрал самодеятельный фольклорный коллектив, выступавший на сцене Кремлёвского Дворца съездов, с А. Гилем создавал знаменитый теперь на весь мир ансамбль "Мэнго", с журналистами И. Тапананом и Е. Дедык освещал жизнь тружеников тундры по корякскому радио, с учёными М. Поповым и М. Икавав работал над развитием корякской письменности, дружил с подвижниками камчатской культуры А. Белашовым и В. Кравченко, а первые мэнговцы - Даниил Яганов, Иосиф Жуков, Коля Лазарев, Толик Мохнаткин и Шурик Мохнаткин - были просто его любимыми друзьями.

Мы с Володей встретились в 1961 году на комсомольской конференции в Палане, куда я приехала молодёжной активисткой из Олюторского района, где работала библиотекарем после окончания техникума у себя на родине, во Владимирской области. Он уже был известен как молодой поэт, уже гремела его поэма "Струйка". После конференции я подошла к нему и попросила помочь с репертуаром для нашей районной самодеятельности. И так завязалось наше знакомство, закончившееся моим переездом в Палану и нашей свадьбой. В 1963 году у нас родился сын Андрей, братик для моей пятилетней дочки Лены от первого брака.

Володя был хорошим отцом. С детьми мы постоянно пропадали в тундре, с чаёвками, с собиранием ягод, шишек, грибов. Он сам был заядлый тундровик и ходил с собакой, а потом уже и с очмыном до последних дней, пока мог ходить. Его шумный и весёлый характер проявлялся во всём: если бегал по тундре один, без нас, он обязательно приходил вечером с ведром жимолости, например, и каким-нибудь подарочком - то букет княженички на веточках, то рыбина (по пути на рыбалке угостили) и всегда говорил: "Зайчик прислал". Он и сам был рыбак, и семья никогда не была без заготовленной на зиму "солёнки"; любил лепить пельмени, ему ничего не стоило их затеять. Обязательно полотенце повяжет на лоб, а другое на пояс, как фартук. Пять минут - и готово тесто. Пельмешки у него были самые отменные - в дальнейшей жизни внуки только дедушкины пельмени хотели, никаких магазинных. Володя сам-то рос в большой многодетной семье из десяти человек, где всё умели делать. А тесто раскатывать, видно, мама научила. Про свою семью он рассказывал: "Мама сварит картошку в мундире, и мы все садимся к столу и чистим её от кожуры. Большую сковороду начистим, мама обжарит, и вот - сидим, едим потом". У них был большой огород, в котором он любил копаться с детства. А потом это у него перенеслось в нашу жизнь. У нас тоже был огород, где он всё время копался и пропадал. Своя картошка была, свои овощи с грядочек. Бывало, долго нет вечером отца, ушедшего огород поливать, приходит в одиннадцатом часу, объясняет: "Полил, а потом сидел, на грядки любовался!". Или на капустные листья говорил: "Мать, капусточку полил, и она сидит - мне улыба-ается!".

Прошло пять лет - и не слышим мы родного голоса - ни по радио, ни в газетах. Не видим ни его очерков и статей, ни о нём. Как будто бы забыли. "Золотые родники" не посвятили ему ни одного самостоятельного праздника. Писательская организация, о которой он тоже много радел и которую любил, молчит. И печально на душе от того, что нет внимания к родным: жёнам, семьям, которые живут ещё отцовской или дедушкиной литературной жизнью, его интересами, которые по-прежнему хотят видеть новые издания, знать новости литературной Камчатки... Когда был жив Володя, каждый слал ему свою новинку, кому-то - он, слали газеты, звонили, делились новостями. За все пять лет только один Вахрин Сергей Иванович прислал нам свою новую замечательную книгу - это огромный исследовательский труд, где он воспел камчатские семьи, в том числе и род Косыгиных. Спасибо ему большое за его внимание, за его память и доброе сердце.

И всё же, несмотря ни на что, я точно знаю, что стихам Коянто ещё предстоит отстояться, как хорошему вину: чем дольше в бочке стоит, тем крепче и вкуснее, говорят. Так и наши стихи - придёт пора, и творчество нашего дедушки новые и новые поколения будут изучать и также с радостью воспринимать его поэзию. И гордиться ею, потому что Володя вместе с Георгием Поротовым - это, на мой взгляд, два великих таланта, которые были в округе со времён Кецая Кеккетына. А для нас, родных, он никуда не делся. Он и его стихи растворены в будущем - и они ещё соберутся воедино, и ещё будут звучать на благо нашей любимой Корякии.

Супруга Ф. Н. КОСЫГИНА.